
В. Коновалова, профессор кафедры криминалистики Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого, доктор юридических наук, профессор, академик НАПрН Украины

Интуиция: понятие и функции в судопроизводстве

Мыслительная деятельность следователя (судьи), связанная с оценкой имеющейся информации, не всегда подчинена законам логики, где умозаключения предполагают строгую последовательность. Во многих случаях при малом объеме информации либо ее отсутствии рождающиеся предположения могут иметь в своей основе интуитивное мышление.

Процесс познания истины при расследовании преступлений определяется логикой мышления. Правильное осмысливание наблюдаемых фактов, установление их причинных отношений, построение обоснованных версий, оценка полученных данных являются необходимыми этапами процесса установления истины. Их логическая непогрешимость способствует наиболее быстрому достижению истины при расследовании. Очевидность значения применения законов логики ил-

люстрируется теми отрицательными последствиями при расследовании, которые имеют место в результате допущения логических ошибок на отдельных этапах расследования. Еще имеют место факты, когда преступления остаются нераскрытыми не потому, что отсутствуют доказательства их совершения, а потому, что эти доказательства неправильно осмыслены, неверно оценены, положены в основу ложных версий расследования.

Объективная истина в процессе расследования и судебного разбирательства может быть достигнута только в результате рационального познания. Это подчеркивается в работах ряда авторов. Так, М. С. Строгович отмечал: «К истине ведет рациональная, логическая деятельность следователя и судей, всестороннее и объективное исследование обстоятельств дела, анализ и синтез дока-

зательств в соответствии с логическими законами мышления, построение и проверка всех возможных по обстоятельствам дела версий, твердое обоснование каждого утверждения и вывода, строгое соблюдение всех требований процессуального закона»¹. Однако наряду с правильной трактовкой роли и значения логического мышления в процессе познания истины в отдельных работах нашли свое отражение взгляды, согласно которым интуиция также может рассматриваться в качестве элемента, способствующего достижению истины². Наделяя интуицию не свойственным ей содержанием, чрезмерно подчеркивая ее значение, авторы, рассматривающие интуицию как один из путей познания, вольно или невольно противопоставляют ее логическому мышлению и подчас отводят ей место, равноценное по значимости логической деятельности мышления.

Интуиция есть познание без развернутого логического рассуждения в данный момент, но познание, логически доказанное и проверенное практикой. Следовательно, диалектический подход признает интуицию только в том ее виде, который предполагает отсутствие широкого,

развернутого рассуждения. Всякое иное понимание интуиции, а именно понимание ее как таинственной способности, несовместимой с логическим мышлением, рассматривается как идеалистическое. Понимание интуиции как подсознательного, непроизвольного, нелогического принятия решения или совершения какого-либо действия является идеалистическим пониманием, перенесение которого в процесс оценки доказательств, формирования внутреннего судейского убеждения, внутреннего убеждения следователя является проявлением идеалистического интуитивизма.

Между тем рекомендации об использовании интуиции в следственной и судебной работе имеют место в криминалистической литературе. Использование интуиции при допросе и обыске рекомендуют А. Р. Ратинов³, И. К. Шахриманьян⁴ и др. Так, последний, опираясь на результаты выборочного анкетирования следователей, отмечал, что в работе следователя интуиция занимает определенное место и, более того, что использование интуиции свидетельствует о творческом характере этой деятельности.

Опасность использования подобных рекомендаций в следственной

¹ Строгович М. С. О рациональном и эмоциональном в судебном исследовании / М. С. Строгович // Сов. государство и право. – 1959. – № 5. – С. 91.

² См.: Ратинов А. О следственной интуиции / А. Ратинов // Соц. законность. – 1958. – № 4; Казимирчук В. Внутреннее судейское убеждение и интуиция / В. Казимирчук // Сов. юстиция. – 1958. – № 5.

³ Ратинов А. О следственной интуиции / А. Ратинов // Соц. законность. – 1958. – № 4. – С. 28.

⁴ Шахриманьян И. К. Общая психологическая характеристика деятельности советского следователя / И. К. Шахриманьян // Правоведение. – 1965. – № 2. – С. 148–149.

работе объясняется прежде всего тем, что автор, ссылаясь на роль вдохновения и интуиции в осуществлении художественного замысла, не различает роли человеческой деятельности и специфику использования названных категорий в соответствии с частными задачами конкретной области знания, осуществлением определенных функций. Такое перенесение понятий вдохновения и интуиции в область творчества следователя неправомерно уже потому, что сам род следственной деятельности предполагает строгую логическую систематизацию доказательственного материала, его поиск, исследование обнаруженного, точное выяснение его причинных функций.

Не должно быть места интуиции при оценке доказательств по внутреннему убеждению следователя, судьи. Ни следователь, ни судья при оценке доказательств не должны полагаться на свои впечатления, тем более если они безотчетны. Логические выводы, к которым приходит судья или следователь в результате оценки, должны основываться на исследовании конкретных доказательств, имеющих по делу. Пренебрежение этим правилом как при выдвижении версий, так и при оценке всего комплекса доказательств может повлечь за собой необоснованное обвинение и осуждение лица, не виновного в совершении преступления.

Термин «интуиция» употребляется в работах по криминалистиче-

ской тактике. Так, некоторые авторы дают материалистическое объяснение интуиции, указывая на то, что необъяснимость возникновения той или иной догадки является кажущейся, так как догадка немыслима без рациональной логической деятельности и является продуктом логической работы ума, черпающей свое содержание в анализе конкретных фактов¹.

Интуиция является не чем иным, как не прослеженным субъектом процессом рационального логического мышления. Такое объяснение понятия интуиции принадлежит П. В. Копнину, который, в частности, отмечает, что можно говорить об интуиции разума, подразумевая под ней своеобразную форму рационального человеческого познания, когда разум достигает новых результатов, не осознавая до определенного времени логического хода мысли к ним². Объяснение внезапности решения поставленной задачи он иллюстрирует рассуждениями академика И. П. Павлова по поводу производимых им экспериментов. И. П. Павлов приводит случай, когда он как бы интуитивно нашел верное объяснение эксперименту: «...Ведь мне самому сперва не было ясно, откуда шла правильность моего предположения.

¹ Васильев А. Н. Планирование расследования преступлений / А. Н. Васильев, Г. Н. Мудьюгин, Н. А. Якубович. – М., 1957. – С. 46.

² Копнин П. В. Рассудок и разум и их функции в познании / П. В. Копнин // Вопр. философии. – 1963. – № 4. – С. 72.

Выходило, – другой бы сказал, – интуиция, сам догадался, а не понимал отчего». Анализируя этот случай, И. П. Павлов так прояснил сущность интуиции: «Я результат помнил и ответил правильно, а весь свой ранний путь мыслей позабыл. Вот почему и показалось, что это интуиция. Я нахожу, что все интуиции так и нужно понимать, что человек окончательное помнит, и весь путь, которым он подходил, подготовил, он его не подсчитал к данному моменту»¹.

Таким образом, как отмечает П. В. Копнин, вся интуитивность разума состоит в том, что он в данный момент не осознает логического хода своего мышления, фиксируя внимание на результате. Но этот логический ход реально существует, он воспроизводится в полном виде и совершенствуется последующей деятельностью мышления².

Следует отметить, что наиболее детальному критическому рассмотрению вопросы интуиции в расследовании были подвергнуты М. С. Строговичем. Исследуя проблему интуиции в судопроизводстве и отвергая идеалистические трактовки этого понятия, М. С. Строгович сводит интуицию к эмоциональному моменту в познании, полагая, что интуитивные выводы проистекают из эмоциональной стороны познания,

не поднимаясь до логического познания³. Это утверждение, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Интуиция не сводится только к эмоциональному. Интуитивное «знание» противопоставляется логическому как не выводное, а подсказанное сверхчутьем, наитием, необъяснимыми импульсами. Это означает его оторванность и от эмоциональной, и от логической ступеней познания. Если бы такое знание выводилось из эмоционального познания, оно могло бы быть неточным, неверным и т. п., но оно противопоставляется обычному ходу познания как «сверхлогика», нечто более глубокое и потому «непостижимое». В этом как раз и мистический момент идеалистической трактовки интуиции, и ее вред⁴.

Мысль о недопустимости использования интуитивных предположений в судопроизводстве неоднократно подчеркивалась М. С. Строговичем в его произведениях. Так, в частности, рассматривая проблемы этики в судопроизводстве, М. С. Строгович отмечал: «Можно было бы привести множество примеров ошибочных выводов следствия, неправильных приговоров суда, обусловленных именно тем, что следователи и судьи полагались на свои впечатления,

¹ Павловские среды. – М., 1949. – Т. 11. – С. 227.

² Копнин П. В. Рассудок и разум и их функции в познании / П. В. Копнин // Вопр. философии. – 1963. – № 4. – С. 73.

³ Строгович М. С. О рациональном и эмоциональном в судебном исследовании / М. С. Строгович // Сов. государство и право. – 1959. – № 5. – С. 91.

⁴ Коновалова В. Значення інтуїції в розслідуванні й судовому розгляді кримінальних справ / В. Коновалова, О. Колесниченко // Рад. право. – 1959. – № 6.

догадки, предположения вместо того, чтобы идти трудным, но плодотворным путем объективного и непредвзятого исследования, – именно того исследования, которого требует закон и нравственность»¹.

Несомненно, вызывают возражения интуитивные постижения при формировании версий, когда под видом интуиции, подсказанной следственным опытом, выдвигаются необоснованные версии, лишенные анализа доказательственного материала либо научных положений, имеющих основания для предположений по аналогии. Они не только затрудняют расследование, но в ряде случаев неправильно ориентируют, что приводит к утрате доказательств, созданию тупиковой ситуации. Поэтому справедливо указание А. М. Ларина о том, что «безотчетность интуитивных догадок исключает возможность признания их версиями». Представляет определенный интерес стремление подвергнуть анализу интуитивные представления, интерпретированные применительно к следственной деятельности. Так, Г. А. Зорин, рассматривая кульминацию интуитивного процесса – инсайта, как своего рода озарения, отмечает в нем несколько моментов. Приведем их для критического рассмотрения.

Инсайт, по мнению автора, включает несколько моментов:

«← следователь осознает, что он нашел решение, обеспечивающее выход из следственного тупика;

– это решение приходит неожиданно;

– интуитивно найденное решение, как правило, гармонично, оригинально, изящно (это обстоятельство подтверждают следователи и представители других творческих профессий);

– в интуитивно найденном решении можно обнаружить и средства его реализации (то есть перспективу), а при желании и определенных навыках интуитивное решение можно подвергнуть логическому анализу и развернуть его в ретроспективу, то есть предпринять попытку рассмотреть процесс поиска решения в направлении от результата к его истокам;

– интуитивное решение можно рационализировать логическими средствами»².

Как видно из перечисленных характеристик, приведенное решение – инсайт – в сущности, лишено того, чем отличается интуитивный путь к решению от логического.

Автор нашел такое количество психологических, эмоциональных и интеллектуальных характеристик в интуитивном познании, что оно – венец мышления. Действительно, зачем логические муки, когда следователь осознает, что он нашел решение, обеспечивающее выход из следственного тупика, а также, что найденное решение сопровождается чувством

¹ Проблемы судебной этики / под ред. М. С. Строговича. – М. : Наука, 1974. – С. 109.

² Зорин Г. А. Криминалистическая эвристика / Г. А. Зорин. – Гродно, 1994. – Т. I. – С. 194–195.

уверенности, что оно верно, да еще и гармонично и изящно...

Ах, если бы так было! При всей романтичности изображения интуитивного решения, последнее, к сожалению, необъяснимо, ибо представляет скрытую синтезирующую работу интеллекта, которая только впоследствии может и не найти логического объяснения. В последнем случае она утрачивает интерес. Известны в науке многие интуитивные решения, источниками которых явилась многотрудная деятельность исследователя, которая в определенный момент дала синтезирующий эффект мышления. Этот механизм единен во всех областях: физике, математике, химии, биологии, экономике и др. Он находит свое преломление и в сложных задачах, решаемых в судопроизводстве, где решения, как правило, связаны с человеческими судьбами и допускаемые ошибки непростительны.

Прав, на наш взгляд, в отношении использования интуиции Р. С. Белкин, отмечающий, что «в условиях информационной недостаточности, характерной во многих случаях для стадии подготовки тактического решения, – интуиция важное средство выбора цели, особенно в тех случаях, когда решение носит эвристический характер»¹.

В число проблем интуитивного познания как внезапного решения мыслительных задач, без логического объяснения в данный момент, но

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики / Р. С. Белкин. – М., 1997. – Т. 3. – С. 175.

с последующим логическим объяснением, входит проблема профессиональной интуиции. Последняя окрашена профессиональной подготовкой лица, которая способствует мгновенно происходящему анализу тех или иных признаков, позволяющих придти к предположению, исключающему обычный логический ход рассуждений. В практике судебно-следственной деятельности интуитивные предположения и решения объясняются известной стабильностью решаемых мыслительных задач. Несмотря на их многообразие и нестандартность ситуаций, объясняемых изощренностью способов совершения и сокрытия преступлений, существуют своего рода алгоритмы, основывающиеся на повторении признаков преступления и определенных способах их решения. Такие интуитивные предположения имеют место при расследовании отдельных видов преступлений, таких, в частности, как убийства, в том числе и заказные, все разновидности хищения и др. Опыт как накопление признаков, указывающих на характер и механизм события, позволяет мгновенно вычленивать те характеристики, которые наиболее присущи совершению того или иного преступления. Именно данное обстоятельство и объясняет быстрое решение мыслительной задачи, которая для других лиц и ситуаций представляется неразрешимой. В этом отношении представляет интерес такой элемент криминалисти-

ческой характеристики преступлений, как «типичная следовая картина», то есть совокупность следов, присущих тому или иному виду и разновидности преступления. Следовая картина по своему существу является фрагментом совершаемого преступления, отраженного в следах. Поэтому картина события восстанавливается как мозаичная часть общего, по которому можно идентифицировать событие как целое по его части. В этом плане интуитивный поиск имеет право на существование.

В настоящее время наблюдается возврат к прежним тенденциям использования интуиции для решения задач, возникающих в судопроизводстве в широком смысле слова, то есть в расследовании и судебном разбирательстве. В дискуссиях и утверждениях высказываются предложения о применении так называемых нетрадиционных знаний и методов, которые могут быть использованы в целях наиболее эффективного расследования преступлений, диагностики причастности к совершению преступления, осуществлению розыска.

В высокой «научной» интерпретации поднимаются обветшалые догмы об использовании лайдетекторов для диагностики преступника, кинесики, гипноза и нетрадиционных психоэнергетических знаний в виде телепатии и ясновидения, как явлений, связанных с мировым разумом, вселенной энергетическими

и информационными каналами¹. При этом утверждается, что все названные методы обладают высокими познавательными свойствами, позволяющими наиболее эффективно раскрывать преступления. Вместе с тем методики их применения не называются по той простой причине, что их не существует, либо потому, что их изобретение сразу сделает явным абсурдность приводимых концепций. Для иллюстрации так называемой нетрадиционности приведенных знаний и методов обратимся к некоторым из них.

Прежде всего – это лайдетектор (разоблачитель лжи), который применялся в американском судопроизводстве (полиции) в 30-60-е гг. и был высмеян как несостоятельный еще в пору ассоциативных экспериментов, предлагаемых Э. Штерном в 1908 г.

Современные его модификации ничем новым, кроме большего числа датчиков, регистрирующих психофизиологические реакции на отдельные слова-раздражители, не отличались и также не были взяты на вооружение. Американские суды не принимали в качестве доказательств показатели лайдетекторов. Юридическая интерпретация физиологических реакций показала бессмысленность и неадекватность.

Наиболее приближены к проблемам интуитивного познания, как ни-

¹ Клименко Н. Можливості використання в розслідуванні злочинів деяких нетрадиційних криміналістичних та спеціальних знань і методів / Н. Клименко, О. Клевцов // Право України. – 1998. – № 1.

чем необъяснимого озарения, предложения о применении в качестве нетрадиционных методов использования в расследовании телепатии и ясновидения. Телепатия, как утверждают авторы таких предложений¹, это передача и прием мыслей и иных элементов психической и интеллектуальной деятельности человека на расстоянии с помощью псиэнергии, без помощи органов чувств. Это явление рассматривается как особая форма информации или общения живых существ, выраженная в непосредственном воздействии нервно-психических процессов одного существа на нервно-психические процессы другого. Прием и передача информации происходят на нескольких уровнях.

Следует отметить, что подобный ход эфемерных рассуждений о невидимом и необъяснимом невозможно представить в следственно-судебной деятельности ни в мыслительном, ни в практическом варианте. Более того, эксперименты по телепатии, проводимые лабораториями Академии наук СССР, в свое время подтвердили необоснованность выдвигаемой теории, ее полную беспомощность, следствием чего было закрытие тематик и соответствующих лабораторий.

К категориям, близким по своей сущности к идеалистически практикуемым интуитивным постижением тех или иных явлений или фактов,

¹ Клименко Н. Можливості використання в розслідуванні злочинів деяких нетрадиційних криміналістичних та спеціальних знань і методів / Н. Клименко, О. Клевцов // Право України. – 1998. – № 1. – С. 99.

относится понятие ясновидения. Последнее объясняется как процесс сверхчувственного восприятия объективного мира, способность сенситива воспринимать в процессе биоинформационного обмена изображения объектов, на которые он настроился. Иными словами, ясновидение – это возможность восприятия фактов, которая возникает вне анализа определенной информации. Речь идет о надчувствовании, озарении, об особом видении объектов, событий, фактов лицом, обладающим запредельной чувствительностью. В своем более доступном понимании – это люди, считающие себя экстрасенсами, постигающими истину неведомыми путями.

Обилие экстрасенсов в настоящее время, их гадательные методики, обращение к астральным силам не может не вызвать скептического отношения, как черной и белой магии, к умело либо неумело прикрытому шарлатанству. Научный поиск в этом отношении и «сенсационные находки» показали, что обращение к ясновидению является не чем иным, как «дьявольщиной», далекой от научных исследований. Интересно также и то, что обращение к ясновидцам следователей для оказания помощи в розыске убитых и установлении убийц полностью опровергли их возможности и тем более научный поиск.

Провозглашение и внедрение таких методов, лишенных научной основы, и, более того, создание методических рекомендаций по их ис-

пользованию, ориентируют практику судебно-следственной деятельности на внедрение антинаучных методов получения доказательственной информации, отказ от научных постулатов формирования внутреннего убеждения, их замену интуитивными, непостижимыми предположениями, которые легко могут быть использованы в неблагоприятных, корыстных целях.

Проникновение в практику судопроизводства результатов такого рода якобы научных исследований влечет за собой нарушение не только законности, но и этических норм, являющихся одним из главных оснований гуманного отношения к личности, попавшей в орбиту судебного процесса.

Опубликовано: Криміналіст періодрикований. – Х. : Апостіль, 2013. – № 6. – С. 117–125.